

© 2009 г.

А.С. КАН (Швеция)

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

История исторической науки составляет, по крайней мере после Второй мировой войны, важную неотъемлемую часть профессиональной подготовки российских историков. Вряд ли в какой-либо из крупнейших стран, не говоря о малых (например, в лучшей знакомой автору Северной Европе), студенты-историки так систематически изучают и так же экзаменуются по истории исторической науки, как в России. Именно в российских исторических журналах есть неперенная рубрика "Историография"¹. Переизданы учебные пособия по истории отечественной и иностранной историографии, приуроченные к послесоветским условиям и требованиям, но посвященные, насколько можно судить из-за рубежа, только странам Европы и Америки². Такая неполнота или односторонность – дело временное, и потому читателям журнала, надеюсь, будет поучительно ближе познакомиться с опытом всемирной, глобальной истории историографии, представленным в книге "Глобальная история исторической науки нового времени" Дж. Иггерса и К. Ванга, впервые охватившим все главные регионы планеты, включая Африку южнее Сахары³. Их почти всеобъемлющий труд стал возможен благодаря успехам исторической науки в крупнейших азиатских странах, росту в этих странах профессиональных кадров и их привлечению к преподаванию американскими учебными заведениями, в первую очередь университетами. Другими словами, дело решили международные связи западных историков и денежные средства университетов.

Авторы рецензируемой книги – американцы, старый и молодой, немецкого и китайского происхождения, – считают свою книгу вкладом в охватившую весь мир "быструю глобализацию" (с. 1).

Судя по беглому просмотру российской гуманитарной периодики 2000-х годов, такое явление, как глобализация – образование всемирного гражданского сообщества государств с весьма различной и многообразной культурой, но с общими учреждениями и общими духовными ценностями, – пока больше интересует философов, экономистов и политологов, чем историков⁴. Это естественно: историки по определению занимаются исчезнувшим, минувшим, ушедшим; глобализация же принадлежит и определяет собой именно настоящее, она развернулась после Второй мировой войны и с особой силой – после прекращения (по инициативе СССР) "холодной войны".

Кан Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Упсальского университета (Швеция).

¹ Кстати сказать, за пределами Скандинавии шведская историография преподается только в Русско-шведском учебном центре при РГГУ в Москве.

² См. Историческая наука на рубеже веков. Отв. ред. А.А. Фурсенко. М., 2001; Историческая наука в XX веке. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. Отв. ред. И.П. Дементьев и А.И. Патрушев. М., 2002; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом – теория и история, т. I–II. СПб., 2003; *Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания. Учебное пособие для вузов. М., 2004.

³ *Iggers G.G., Wang Q.E.* (with contributions from S. Mukherjee). A Global History of Modern Historiography. Harlow, 2008 (далее отсылки к страницам книги даны в тексте).

⁴ См. Актуальные проблемы теории истории. Материалы "круглого стола" (12 января 1994 г.). – Вопросы истории, 1994, № 6; *Гранин Ю.Д.* "Глобализация" или "вестернизация". – Вопросы философии, 2008, № 2.

Среди центральных исторических журналов Российской Федерации именно "Новая и новейшая история" первой вынесла тему глобализации на свои страницы, поместив небольшую, но емкую и глубокую по смыслу статью известного итальянского историка В. Страды⁵. Несколько лет спустя директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян призвал усилить внимание к глобальной истории⁶.

Противиться глобализации столь же бессмысленно, как в свое время развитию классового общества или позже – рыночной экономике. Читатель-историк знает, что глобализация служит предметом острых споров, если не прямой политической борьбы в международном и национальном масштабе между левыми и правыми, демократическими и олигархическими кругами. Западные публицисты левого толка осуждают одностороннюю, классово корыстную глобализацию в интересах одного лишь международного финансового капитала, однополюсную глобализацию как американизацию и эксплуатацию индустриальным севером аграрного юга, "первым" миром – "третьего" (после ухода "второго" с мировой арены).

Историческое прошлое современной глобализации (иные англоязычные авторы считают первым "глобализатором" Геродота!) уже породило свою научную литературу, в том числе периодику. В поддержку или взамен возникших еще во второй половине прошлого века франко- и англоязычных журналов в 2006 г. на базе Кембриджского университета ЮНЕСКО был создан новый международный журнал по всемирной истории "Journal of Global History". Его цель состоит в том, чтобы помочь историкам преодолеть дробление их тематики, а также свойственных исторической литературе XIX–XX вв. то восхваления, то осуждения пресловутой гегемонии Запада. Залогом успехов глобальной истории как прежде всего современной истории международная редакция нового журнала считает способность современных историков создать на серьезной научной основе "мета-повествования", которые станут космополитическими по их подходу и "удовлетворяют потребности нашего глобализирующегося мира"⁷.

Той же цели служит названная выше книга Иггерса и Ванга. Именно ей посвящена предлагаемая статья-рецензия. Ее автор, не будучи специалистом по глобальной истории (сфера моих интересов – история региональная, североευропейская), задался целью познакомить с примечательной новинкой западной историографической литературы своих российских коллег, прежде всего вузовских преподавателей.

* * *

Среди пишущих о современной исторической науке выделяется американский историк старшего поколения – профессор-эмеритус (т.е. пенсионер), специалист по духовной истории Европы Джордж Иггерс (род. 1926). Иггерс – выходец из семьи гамбургских эмигрантов-евреев и в недавнем прошлом преподаватель одного из государственных университетов штата Нью-Йорк. Ему принадлежит несколько книг по истории историографии XIX–XX вв. с одобрением встреченных научным сообществом⁸. В 1995–2000 гг. Иггерс был председателем Международной комиссии по теории и истории исторических знаний и вошел в состав редакций нескольких журналов этого профиля. К написанию "глобальной историографии" Иггерс как основной автор привлек своих бывших слушателей – К.Э. Ванга и С. Мукерджи, ответственную за индийские разделы книги. Уже международный сборник историографических статей под редакцией Ванга и Иггерса "Поворотные пункты в историографии" действительно стал поворотным пунк-

⁵ См. *Страда В.* Глобализация истории. – Новая и новейшая история, 2002, № 6.

⁶ См. Интервью директора Института всеобщей истории РАН академика А.О. Чубарьяна. – Новая и новейшая история, 2006, № 6.

⁷ *Journal of Global History*, v. 1(1), 2006, p. 39 (от редактора). См. также: *Mazlish B.* The New Global History. New York – London, 2006.

⁸ См. в особенности его переведенную на другие языки книгу: *Iggers G.G.* Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Wesleyan, 1997.

том: впервые главное место в подобном издании было отведено внеевропейской, в первую очередь – знамение времени! – китайской историографии, к которому был приложен многостраничный англо-китайский, в частности именной, словарь⁹.

Идейно-политически Иггерс определенно и давно принадлежит к левому крылу современной западной историографии. Он боролся за гражданские права афроамериканцев, первым среди буржуазных историков, по крайней мере вне Западной Германии, еще в разгар "холодной войны" и задолго до известного западногерманского "спора историков", критически исследовал немецкую концепцию исторического процесса¹⁰. Он, опять-таки первым среди своих англо-американских коллег, стал сотрудничать с учеными тогдашней ГДР – с Лейпцигским университетом имени Карла Маркса, центром историографических штудий. Под его редакцией вышла не просто первая англоязычная монография о марксистской исторической науке в ГДР, но такая, где были выделены и решительно одобрены прогрессивные, антидогматические перемены в этой науке¹¹. Его вступительная статья к небольшому сборнику историков бывшей ГДР "Марксизм и историческая наука сегодня" вполне могла бы появиться на страницах левой российской прессы¹².

"Глобальная история исторической науки нового времени" восходит к международному проекту Иггерса 2002 г. По предложению авторитетных западногерманских историков проект обсуждался на международной евро-азиатской конференции в Берлине и в немецкоязычных университетах, а затем в Италии, Венгрии, Испании, Великобритании, США, Мексике, КНР, Японии и Южной Корее. При всей ее очевидной новизне у книги были предшественники. Главы о современных неевропейских историографиях вошли в справочник 1979 г. под редакцией того же Дж. Иггерса и его коллеги Х.Т. Паркера¹³. 19-й Международный конгресс исторических наук в Осло (2000 г.) впервые уделял особое внимание перспективам глобальной истории как своей "большой теме". Соответствующие статьи и доклады были изданы перед конгрессом в Стокгольме, а после него также в Осло, причем с участием двух молодых российских историков¹⁴. Главы об исторических знаниях мусульманского региона, Индии, Китая, Японии содержатся в кратких очерках 2000-х годов, написанных немецкими и американскими учеными, по истории всемирной историографии, причем сравнительные взаимные оценки служат там предметом споров между историками разных континентов и культур¹⁵.

Новизна обсуждаемого труда состоит, таким образом, не в привлечении авторов из стран Востока, но в их равноправном соавторстве, не в освещении истории внеевропейской историографии как таковой, а в ее большом удельном весе в шести главах из восьми. Оба обстоятельства позволили более полно и точно представить и сравнить в книге под единым углом зрения традиции исторического знания в разных частях света и последовательные этапы, ученые направления и школы в мировой историографии (кроме

⁹ *Turning Points in Historiography. A Cross Cultural Perspective*. Ed. by Q.E Wang, G.G. Iggers. Rochester – New York, 2002.

¹⁰ *Iggers G.G. The German Conception of History*. Middletown (Conn.), 1983.

¹¹ *Marxist Historiography in Transformation. New Orientation in Recent East German History*. Ed. by G.G. Iggers. Providence (R.I.) – Oxford, 1991.

¹² *Marxismus und Geschichtswissenschaft Heute*. Hrsg. G.G. Iggers. – *Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät*, Bd. 8, Jahrgang 1995, H. 8/9.

¹³ *International Handbook of Historical Studies. Contemporary Research and Theory*. Ed. by G.G. Iggers, H.T Parker. Westport, 1979.

¹⁴ *An Assessment of Twentieth-Century Historiography. Professionalism, Methodology, Writings*. Ed. by R. Torstendahl. Stockholm, 2000; *Making Sense of Global History. XIXth Congress of Historical Sciences*. Ed. by S. Sogner. Oslo, 2000.

¹⁵ *Die Nation schreiben. Geschichtswissenschaft im internationalen Vergleich*. Hrsg. C. Conrad, S. Conrad. Göttingen, 2002 (с прекрасной главой Ютты Шерпер (Париж) о послесоветской исторической науке); *Western Historical Thinking. An International Debate*. Ed. by J. Rüsen. New York – Oxford, 2002; *Völkel M. Geschichtsschreibung. Eine Einführung in Globaler Perspektive*. Köln, 2006.

разве что Австралии) с XVIII в. до наших дней. Авторы учли и восприняли некоторые наблюдения и обобщения наиболее известных современных западноевропейских историков исторической науки.

Рассматриваемая книга состоит из предисловия с обычными многочисленными изъяснениями благодарности (русские фамилии здесь, к сожалению, отсутствуют), 20-страничного введения, восьми глав в среднем по 40 страниц каждая и терминологического словника, весьма полезного при знакомстве студентов с современной историографической литературой. Помогают читателю и поглавные примечания – отсылки к соответствующей новейшей литературе, заключительные систематические рекомендации для дальнейшего чтения и, наконец, указатель – именной и предметный.

Сократив временные рамки до последних трех столетий, Иггерс и его соавторы сосредоточились на взаимодействии западных и незападных историографических традиций и шире – разных исторических культур. "Это сердцевина нашей книги", – пишут они (с. 2–3). По вполне обоснованному мнению авторов, их сравнительный подход оправдан именно с конца XVIII в., когда региональные (т.е. разных частей света) культуры и их собственно исторические составляющие начали постоянно взаимодействовать между собой.

Новый, по сравнению с предшествующей литературой, подход – не чисто историографический, но также историко-культурный – раздвинул предмет историографии далеко за пределы сочинений профессиональных историков XIX–XX вв. Читатель знакомится не только с научным изображением прошлого, но и с куда более древними письменными знаниями, народной памятью, воображаемым прошлым соответствующих народов. Вненаучные знания о прошлом были и остаются, по мнению авторов книги, ценным достоянием народных культур, неотъемлемой составной частью их исторического аспекта. В эпоху национализма – в XIX в. – эти знания, эта народная память послужили наряду с профессиональной ученой историей делу национального возрождения (например, Калевала – для финского). "Нации, – отмечают авторы книги, – никогда не существовавшие как нации, создавали сами себя с помощью истории, часто используя воображаемые, легендарные картины прошлого для оправдания настоящего" (с. 3–4). Это обобщение переключается, кстати сказать, с некоторыми выводами российского ученого В.А. Тишкова¹⁶.

Ключевыми понятиями авторам служат вышеупомянутая глобализация, составляющая, по их мнению, главное содержание самоновейшей истории, хотя зачатки глобализации существовали и в глубокой древности, а также модернизация. Начавшись на заре нового времени в тесно связанных с Западной Европой странах Центральной и Восточной Европы (яркий пример – преобразования Петра и Екатерины II в России), модернизация развернулась в мировом масштабе со времени британского промышленного переворота и Великой французской революции.

Модернизация – это разрыв с традиционным образом мышления и организацией политической, экономической или социальной жизни. Будучи осознан, он преобразовал историческое знание. Превращение истории из литературного в научное занятие получило наибольшее развитие в XIX в. в Европе, но не ограничилось ею. Модернизация исторических знаний вышла за рамки сначала Западной Европы, а затем и Европы вообще (с. 11). "Онаучение" истории охватило без сколько-нибудь сильного западного или европейского влияния Китай и Японию, в меньшей степени – мусульманские страны и британскую Индию. Западного происхождения идеи, особенно представление об истории как о связном и последовательном развитии всего общества, постепенно усваивались остальным миром при одновременном сопротивлении, противодействии западному проникновению и колониальному порабощению. "Историография все больше озападнивалась и модернизировалась, не утрачивая связей с более старыми отечественными традициями", – отмечают авторы книги (с. 13). Признавая достижения и основные идеи

¹⁶ См. *Тишков В.А.* Очерки теории этничности и политики в России. М., 1997.

европейской исторической мысли XVIII–XIX вв., историки остального мира преодолели и во второй половине XX в. изжили былые колониалистские представления о превосходстве западной культуры, покончили с европоцентризмом и убедили европейцев в равноценности своих культур.

Остановимся на отдельных частях рассматриваемой книги. Глава 1-я – это очерк о сложившихся к исходу XVIII в. историографических традициях – просветительской западной (вернее было бы сказать – европейской), ближневосточной мусульманской, индийской под знаком британского завоевания и в широком смысле конфуцианской, т.е. юго-восточноазиатской. В главе 2-й показаны подъем национализма и успехи национальной истории стран Запада, Ближнего Востока и Индии в эпоху западноевропейских революций 1789–1848 гг. Глава 3-я посвящена становлению научной истории во второй половине XIX в. в Европе, включая Россию, и на Дальнем Востоке, точнее, в Японии. История стала теперь особой дисциплиной и профессией. Глава заканчивается 1890 г. – кануном эпохи империализма. В главе 4-й показано, как писалась и осмысливалась история европейскими и американскими историками под влиянием и впечатлением обеих мировых войн, в обстановке колониальной экспансии великих держав и их агрессивных действий в самой Европе. Современная в широком смысле историография, полагают авторы, сложилась в первой половине прошлого столетия под знаком пресловутого кризиса историзма, в первую очередь немецкого. Таким образом в этой главе пером авторов-немарксистов подтверждается, что кризис западной исторической науки в эпоху империализма был отнюдь не выдуман или преувеличен советскими марксистами.

Особый интерес представляет вторая половина книги. Всемирное распространение националистической исторической мысли, ее усвоение главным образом историками стран Ближнего Востока, начиная с кемалистской Турции, и остальной Азии, включая Китай, Индию, Корею, на протяжении большей части XX в. обстоятельно прослежены в главе 5-й, самой обширной. Следующая, 6-я глава, вероятно, заинтересует прежде всего историков-"западников": в ней показано бурное развитие исторической науки в Европе и США после Второй мировой войны. Именно 50–60-е годы и начало 70-х годов прошлого века стали порой наибольшего подъема модернистской, согласно общепринятой на Западе терминологии, научной историографии, убежденной в высоком научном статусе своей науки, оснащенной методами других общественных наук, в возможности достоверного и объективного исторического познания. То было время расцвета французской "школы Анналов", исследующей демографическую и социально-экономическую историю нового времени, так называемой "новой исторической науки" в США, марксистской историографии в СССР и странах народной демократии, освободившейся от сталинского догматизма.

В той же главе показан и поворот части западных историков от торжествующего модернизма к скептическому постмодернизму. Множество разных причин, и не в последнюю очередь брежневский застой в СССР, ввод войск стран Варшавского Договора в Чехословакию в 1968 г., а затем и война в Афганистане в 1979–1989 гг., подорвали не только влияние марксизма, но и веру в широкие обобщения и научную объективность историков, понизили самый статус истории как науки. Историки стали увлекаться историей быта, частной жизни и повседневности, отдельными яркими, сохраненными в источниках событиями прошлого, маргинальными слоями, женской историей и социальными отношениями между полами (гендерной историей).

В книге обоснованно придается первостепенное значение возникновению во второй половине XX в. научных исторических школ в странах "третьего" мира, включая бывшие колонии. Исследования историков из "третьего" мира, их публикации источников, новые научные журналы и учреждения потеснили в книге Иггерса – Ванга достижения их евроатлантических коллег. Историкам Востока посвящены не только часть главы 6-й, но и вся глава 7-я. Читатель знакомится с исторической наукой независимой Индии и восточного Пакистана (Бенгалии), стран Латинской Америки и с зарождением исторической науки в Африке к югу от Сахары. В главе 7-й показаны ослабление влияния марксизма и подъем исламизма в странах Ближнего Востока (неосвященными оста-

лись Иран, Пакистан, Израиль). Мусульманские историки Ближнего Востока испытали, по мнению авторов книги, особое влияние французских корифеев постмодернизма (с. 354–355).

Последняя, 8-я глава книги содержит "критическую ретроспективу" 1990–2007 гг., т.е. обзор самой новой, современной истории историографии. Глобальная историография подверглась прямому или косвенному воздействию происшедших в мире изменений. Прекращение "холодной войны", распад социалистического блока в Европе и самого Советского Союза поставили историков перед новыми вызовами. Именно в 90-х годах впервые сложилось международное сообщество историков. Неевропейские историки заняли в нем видное место. Выходцев с Востока, из Латинской Америки и Африки стало гораздо больше среди преподавателей англоязычных и – реже – франкоязычных университетов. Их голос все громче звучит в спорах о тех же глобализации и модернизации. Успехи компьютерной технологии и широкое использование Интернета облегчили условия работы и учащихся, и преподавателей истории, открыли новые возможности для их доступа, например в странах Юго-Восточной Азии, к многотомным классическим первоисточникам и даже к правительственным историческим архивам.

Парадигма, теоретическая модель исторической науки, полагают авторы книги, осталась прежней, но направление исторических исследований изменилось, они вошли в полосу переориентации. Авторы насчитали несколько новых тенденций, путей этой реориентации. "Новая культурная история" (ее российский вариант – московский альманах "Одиссей") поставила культуру на место социально-политического базиса. Часть исторических исследований подпала под влияние так называемого культурного и антропологического поворотов, а в отдельных случаях даже сблизилась с жанром художественной литературы. Другая часть историков, откликаясь на призыв "глобалистов", вновь расширила свое поле зрения: предмет социальной истории наполнился новым, более емким содержанием, новое понятие "social science history" было подхвачено, заимствовано и учеными обществами, и новыми журналами. "Социальные" историки продолжали оснащаться методами социологического анализа (с. 377–379). Вместе с тем историки обоих отмеченных направлений сознавали тщетность притязаний прежней позитивистской историографии на свою полную правоту.

Авторы отмежевываются также и от релятивистского беспредела: каждое из существующих в исторической науке направлений подлежит проверке посредством исследовательских методов, принятых научным сообществом. Это относится и к марксистской доктрине. Авторы книги, не воспринимая политический строй будь то в ГДР, СССР или КНР, вместе с тем отстаивают жизнеспособность и научную актуальность творческого марксизма в исторической науке вообще, и в науке Юго-Восточной Азии особенно. Марксизм, в частности китайский, японский, индийский, представлен в книге широко, многократно и уважительно: марксистской историографии и общему влиянию марксизма на историческую мысль отведены специальные параграфы (в "азиатской" 7-й главе их целых пять!). На примере лучше знакомых и лично симпатичных ему историков бывшей ГДР (например, покойного латиноамериканиста М. Косока или "патриарха" Ю. Кучинского) Иггерс приветствует творческое обновление марксистской ортодоксии (с. 286–270). Вопреки убеждению таких крайних постмодернистов, как покойный Х. Уайт, давний оппонент Иггерса, марксистские положения "подверглись модификации, будучи проверены и на эмпирическую доказательность, и на логическую состоятельность" (с. 380).

Происшедшие на рубеже нового тысячелетия изменения повлияли и на господствовавшую в XX в. "националистическую историю", сосредоточенную, если не заикленную, на государстве-нации. Такая история – наследие коммунистических времен – по-прежнему распространена в странах Восточной Европы (с. 380 и сл.). В Восточной и Юго-Восточной Азии национальная история тоже "остаётся преобладающим жанром и сохраняет свою постоянную притягательность для историков и педагогов" (с. 384). В то же время интерес к транснациональной, т.е. интернациональной и всемирной, истории сохранился среди китайских и японских историков (в КНР – в русле марксистской тра-

диции) и в Японии даже усилился. С разных сторон, в разных международных исследовательских проектах 2000-х годов заметно стремление преодолеть разрыв между традиционной национальной историей и историей региональной, транснациональной.

Новым содержанием, по мнению авторов, наполнилось и понятие нации, особенно в США. Изжили себя представления, в том числе марксистские, о нации как этносе, как культурной общности. Поликультурным, многополюсным стал не только весь наш мир, но и его составные части. Идея и практика новой, глобальной истории обсуждались, как уже было сказано выше, на последних всемирных конгрессах историков. Иными словами, глобализация заинтересовала историков и далеко за пределами Запада. Поэтому в заключительной главе уделено внимание и новым веяниям среди историков бывшего "третьего" мира. Историкам этих гигантских регионов стала тесна двоичность противостояния колониального и антиколониального. Они стали искать новые региональные и локальные темы, заново обратились к истории местных мифов и религий, к прошлому разного рода меньшинств, зачастую перенимая терминологию, риторику и проблематику европейских коллег, например, западных антропологов-постмодернистов (скажем, в известной и влиятельной индийской серии сборников "Subaltern Studies").

Последней из новых историографических тенденций, перечисленных в главе 8-й (с. 387), авторы считают растущее внимание историков ко всемирной, или глобальной, истории и к "отличной от нее истории глобализации" (с. 367). Глобализация как высший этап модернизации есть явление новейшей современной истории, оно не сводится к истории Запада и в то же время неотделимо от нее (с. 390). В заключение авторы книги ратуют за новый подход к историографии: такой подход отвергает не только западоцентризм, но и само разделение на Запад и не-Запад, все еще лежащее в основе многих сравнительных исследований как по истории, так и по историографии. Новый подход, по словам авторов, призван "представить происходящие в историографии перемены в многополюсной, глобальной перспективе, но с учетом того, что динамика историографического развития порождена разными источниками и возникла в самых разных уголках земного шара. Наша книга является попыткой отклика на этот призыв", – пишут ее авторы (с. 394).

Рассмотрение первого опыта глобальной историографии, актуального и востребованного, не удовлетворит читателя без ответа на вопрос, представлена ли в нем российская наука, особенно современная. Как уже говорилось, европейской науке и ее неотъемлемой российской составляющей пришлось потесниться в суммарном очерке о глобальной историографии нового времени. Это особенно бросается в глаза при сравнении единичных русских имен книги 2008 г. с их множеством в уже упоминавшемся выше справочнике под редакцией Иггерса и Паркера 1979 г. В целом же историкам-россиянам – дореволюционным, советским и современным – отведено не меньше места, чем итальянцам или испанцам (скандинавы, например, отсутствуют вообще). Поскольку, однако, особой "русской" главы нет, интересующие нас сведения разбросаны по всей книге и содержатся большей частью на страницах, посвященных марксистской историографии. При этом высокая оценка трудов довоенного Института истории АН СССР (с. 184) сочетается с позитивной оценкой новаторского подхода отдельных историков культуры 70-х годов (М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича). Пособиями Иггерсу служили здесь не только историографические очерки американских русистов, но и статьи на советскую тему из международного журнала "Storia della storiografia" (Турин, Италия), одним из редакторов коего он является.

После всего сказанного естественным будет наш настоятельный совет перевести рассмотренную книгу на русский язык, предварив ее большой проблемной статьей видных историков и теоретиков исторической науки. Будем надеяться, что российские историки, в первую очередь всеобщники, как западники, так и востоковеды, африканисты, латиноамериканисты, с присущим им интернационализмом и неутраченным профессионализмом по-своему осмыслят историографический процесс, в особенности его нынешний этап.